

Научная статья

УДК 069-027.555:930.253 + 930.25:771 + 771.376.3 + 908(571.17)

DOI 10.15826/izv1.2025.31.2.035

ФОТОГРАФИЧЕСКИЙ АРХИВ КРАЕВЕДА В. П. ДЕВЯТИЯРОВА: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ МУЗЕЙНОЙ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ

Алексей Евгеньевич Сорокин

*Новокузнецкий краеведческий музей,
Новокузнецк, Россия,
al.soc.sorokin@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3324-1818>*

А н н о т а ц и я. Обращение к неопубликованным материалам собраний музеев в современных условиях становится особенно актуальным. Музейные фотоархивы обладают значительным информационным потенциалом, исследование которого способно устранить существующие до настоящего времени лакуны в истории как отдельных городов, так и России в целом. Фотоархив новокузнецкого краеведа В. П. Десятярова, сформированный в 1960–1980-е гг., рассматривается как компетентный источник, способствующий раскрытию историко-культурного наследия крупного сибирского города. Он представляет собой комплекс мемуарных источников, включающих воспоминания более чем трехсот человек. Значимость фотоархива, каждый элемент которого фактически атрибутирован непосредственно жителями города в течение двадцатилетия, подчеркивается его востребованностью в экспозиционной и экскурсионной деятельности Новокузнецкого краеведческого музея. В статье освещены неизвестные страницы биографии В. П. Десятярова, систематизирован фотоархив, состоящий из восьмисот фотографий, тематически сгруппированных в процессе исследования в четыре блока: семейные фото; служащие и чиновники госучреждений и частных предприятий; виды города Кузнецка начала XX в.; здания и панорамы Кузнецкого района г. Новокузнецка советского времени. Теоретическое обоснование возможностей репрезентации фотоархива ориентировано на прикладное применение результатов его анализа для создания музейных экспозиций, подготовки авторских экскурсий и других видов музейной деятельности.

К л ю ч е в ы е с л о в а: музей; фотоархив; В. П. Десятяров; интерпретация; систематизация; репрезентация; экспонирование

**PHOTOGRAPHIC ARCHIVE
OF LOCAL HISTORIAN V. P. DEVIYATYAROV:
EXPERIENCE AND PROSPECTS
OF MUSEUM REPRESENTATION**

Alexey E. Sorokin

*Novokuznetsk Museum of Local History,
Novokuznetsk, Russia,
al.soc.sorokin@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0002-3324-1818>*

Abstract. The appeal to unpublished materials of museum collections in modern conditions is distinguished by a high degree of relevance. Museum photo archives have significant information potential, the study of which is capable of eliminating the gaps that exist to date in the history of both individual cities and Russia as a whole. The photo archive of the Novokuznetsk local historian V. P. Devyatyyarov, formed in the 1960–1980s, is considered a competent source that contributes to the disclosure of the historical and cultural heritage of a large Siberian city. It is a complex of memoir sources, including the recollections of more than three hundred people. The significance of the photo archive, each element of which is actually been attributed directly by city residents over a period of twenty years, is emphasized by its demand in the exhibition and excursion activities of the Novokuznetsk Museum of Local History. The article highlights unknown pages of the biography of V. P. Devyatyyarov, systematizes the photo archive, consisting of eight hundred photographs, thematically grouped in the process of research into four blocks: family photos; employees and officials of state institutions and private enterprises; views of the city of Kuznetsk in the early 20th century; buildings and panoramas of the Kuznetsk district of the city of Novokuznetsk in Soviet times. The theoretical substantiation of the possibilities of representing the photo archive is focused on the applied use of the results of its analysis for the creation of museum exhibitions, preparation of author's excursions and other types of museum activities.

Key words: museum; photo archive; V. P. Devyatyyarov; interpretation; systematization; representation; exhibiting

Представление в экспозиции исторического музея текстов воспоминаний неразрывно связано с проблемой недостатка артефактов, увеличивающих аттрактивность выставочного пространства. Эта проблема зачастую решается путем привлечения в музейную экспозицию визуальных источников, в первую очередь фотографий.

Архив воспоминаний жителей города Кузнецка (ныне — Новокузнецк) начала XX в., сформированный краеведом В. П. Девятиyarовым в 1960–1980-е гг., включает в себя не только эго-тексты, но и иные источники личного происхождения — документы и фотографии из семейных архивов. Такая специфика единого мемориального комплекса решает проблемы атрибуции фотодокументов, способствует выстраиванию единого исторического повествования, объединяющего

запечатленных на фото людей. Во многих случаях фотографии были своеобразными триггерами, на основе которых разворачивалось повествование респондентов-старожилов.

Важно не только выявить место фотографий в архиве советского исследователя, но и рассмотреть исторические фото как элементы музейной экспозиции.

Особенности формирования и структура краеведческого архива В. П. Девятиярова

Новокузнецкий краевед Владимир Петрович Девятияров (1925–1995) в 1960–1980-е гг. приступил к формированию исторического архива, отражающего реалии города Кузнецка начала XX в. Благодаря тому, что еще были живы непосредственные участники и свидетели тех событий, краевед поставил перед собой цель — собрать как можно больше свидетельств о жизни Кузнецка на основе воспоминаний кузнечан.

В 1991 г. В. П. Девятияров принимает решение о передаче всего накопленного им исторического материала на хранение в Новокузнецкий краеведческий музей. С 1991 г. сотрудники музея приступили к формированию и систематизации сведений, собранных Девятияровым за более чем два десятилетия работы. На данный момент архив В. П. Девятиярова — это один из самых обширных и ценных разделов в научном фонде музея. Все содержание архива можно разделить на четыре разновеликие по объему группы источников: копии архивных документов, краеведческая литература, фотофонд и тексты воспоминаний, записанные В. П. Девятияровым.

В 1993 г. О. Мороковой был снят документальный фильм «Собиратели истории», посвященный историкам, археологам, искусствоведам и краеведам Новокузнецка. Одним из героев фильма стал и В. П. Девятияров. Тогда же, в 1993 г. (и это отражено в документальном фильме), в стенах Новокузнецкого краеведческого музея работала выставка, основанная на материалах, переданных Девятияровым в музей. Это был первый опыт репрезентации результатов работы В. П. Девятиярова в музейном пространстве. В рамках нашей темы отметим, что выставка была органично встроена в постоянную экспозицию музея, посвященную досоветскому периоду. Центральным экспонатом стала карта-схема Кузнецка 1918 г., составленная Девятияровым. Непосредственно материалы воспоминаний не были отражены в данном выставочном проекте.

На сегодняшний день часть архива В. П. Девятиярова представлена в постоянной экспозиции Новокузнецкого краеведческого музея в отделе истории. В первую очередь это иллюстративный материал: фотографии с видами Кузнецка, фото служащих различных учреждений города, портретные фото купцов Кузнецка. Также в экспозиции размещена копия составленной Девятияровым карты города 1918 г.

Последний и самый крупный выставочный проект, посвященный исследователю и его архиву, был реализован летом 2020 г. Выставка «Кузнецкий летописец», посвященная 95-летию В. П. Девятиярова, рассказывала в большей степени

об исследовательской деятельности краеведа в контексте общей биографии. Были представлены фрагменты из его рабочих тетрадей, рассказывающие о специфике работы исследователя по формированию большого архива воспоминаний. Исторический аспект, касающийся жизни Кузнецка начала XX в., скорее был фоном для общего повествования, репрезентируя главный предмет изысканий Девятиярова — историю уездного города.

К формированию архива воспоминаний В. П. Девятияров приступил еще в 1960-е гг. [НКМ, НФ-Д, оп. 1, р-8, д. 35, л. 29–74]¹. Тогда исследователя в первую очередь интересовала тема установления советской власти в Кузнецком уезде и события Гражданской войны, но уже во время первых бесед он фиксирует и многие другие аспекты жизни кузнецчан. За четвертьвековой период краеведческих изысканий Девятияровым был сформирован многотомный архив. Вплоть до начала 1990 г. исследователь встречался с респондентами (д. 33, л. 1–7), а до середины того же 1990-го активно занимался оформлением архива (д. 33, л. 425–426а).

Особую ценность архива представляет комплекс мемуарных источников, состоящий из воспоминаний более 300 человек. Введение в научный оборот новых малоизвестных источников, предоставляющих уникальную информацию о предметах, фактах, явлениях реальной жизни, позволяет представить картины жизни давно минувших лет и расширить знания о Кузнецке первой трети XX в. Всего за время своей работы по сбору данных В. П. Девятияров зафиксировал воспоминания 308 респондентов, с которыми встречался лично, с некоторыми по несколько раз. Исследователь также находился в переписке с некоторыми старожилами Кузнецка, которые проживали уже вне Новокузнецка.

Содержательно текст каждого воспоминания может быть поделен на следующие блоки:

1. Дата беседы, например: «12 апреля 1981 г. (воскресенье)» (д. 33, л. 268).
2. Социально-демографическая часть, включающая имя, отчество и фамилию респондента, а также домашний адрес (место беседы) и домашний телефон (при наличии).
3. Биографическая часть: сведения о родителях, состав семьи, обстоятельства переезда семьи в Кузнецк.
4. Место жительства семьи в Кузнецке.
5. Хозяйство, которое держала семья в Кузнецке.
6. Трудовая занятость членов семьи.
7. Воспоминания о важных событиях: начало Первой мировой войны, события 1917 г. (после Февральской революции), деятельность Кузнецкого Совдепа (март — июнь 1918 г.), установление режима Колчака, события начала декабря 1919 г. (восстание кузнецкого гарнизона).

¹ Далее при ссылках на научно-документальный фонд Новокузнецкого краеведческого музея в круглых скобках указываются номер дела и листы.

8. Воспоминания о других жителях города (в первую очередь это касается купечества и чиновников).

9. Жизнь в Кузнецке при советской власти.

10. В заключительной части беседы В. П. Девятяров подробно расспрашивал респондентов о соседних домохозяйствах, фиксируя месторасположение всех жилых построек и общественных зданий. На основе полученной информации он составлял схемы улиц и переулков города, отмечая каждый дом и его владельцев. Итогом этой работы стала подробная карта-схема Кузнецка 1918 г. с указанием всех зданий и домовладельцев.

Фотоархив в аспектах комплектования и музейной репрезентации

Рукописные тексты воспоминаний, оформленные В. П. Девятяровым, сопровождаются вклеенными копиями старых фотографий из личных архивов респондентов с пояснительными подписями исследователя: «*Служащие кузнецкого уездного съезда Крестьянских начальников. 1917 год*» (д. 35, л. 33); «*Дом М. П. Лучшевой, фото М. С. Бугаева. Апрель 1981 г.*» (д. 33, л. 197–208). Помимо подписей в текстах зачастую содержится рассказ о поступлении фотографий в архив исследователя: «*Лидия Николаевна Григорьева временно доверила мне (Девятярову В. П.) оригинал фотографии, который 17 мая 1981 г. сдан мною в фотосалон Дома быта, чтобы перефотографировать*» (д. 33, л. 81–90). В заключительной части беседы Девятяров предлагает своим собеседникам идентифицировать запечатленных на фотографиях людей, рассматривая с респондентами снимки других информантов, которые могут быть им знакомы (исходя из содержания рассказа): «*Работал Черезов В. А. в Кузнецком казначействе. На фотографии казначейских работников он стоит, второй справа. Я его хорошо узнаю, только уже в 1919 году он был несколько старше и носил усы*» (д. 33, л. 180–185).

Комплектование фотоархива велось Девятяровым параллельно с опросом старожилов Кузнецка. Часть фотоснимков была перефотографирована исследователем в фотосалонах и возвращена в частные семейные архивы, но многие фотооригиналы остались в архиве кузнецкого историка.

Тематически фотоархив (всего около 800 фотографий) можно разделить на 4 блока: семейные фото, служащие и чиновники государственных учреждений и частных предприятий, виды города начала XIX в., Кузнецкий район г. Новокузнецка (сюда относятся снимки, снятые «по заказу» Девятярова в 1960–1980-е гг., запечатлевшие городские дореволюционные постройки, которые к началу 1990-х по большей части были уже утрачены).

В своей работе, посвященной вопросу использования фотографических материалов в реконструкции городской повседневности западносибирской провинции конца XIX – начала XX в., Е. А. Юнина отмечает большой информационный потенциал исторических фотографий рубежа XIX–XX вв., особенно при изучении повседневных практик. Историко-антропологический ракурс анализа фотоматериала, как замечет исследователь, позволяет осмыслить жизнь

запечатленных на фото людей в контексте их общественных практик (профессиональная и общественная деятельность) и в пространстве приватном (жилище, семья, товарищеский круг) [Юнина].

Визуальные документы из архива В. П. Девятярова также демонстрируют сложившиеся социальные портреты жителей дореволюционного Кузнецка. Одиночные и групповые фотоснимки позволяют рассмотреть кузнецких купцов, мещан, служащих, солдат, священнослужителей, чиновников и учащихся как представителей различных социальных слоев и социально-демографических групп.

Фотоматериал способствует реконструкции портретов не только социальных групп, но и социокультурных ландшафтов. Е. А. Юнина на основе анализа фотоколлекций Тобольска и Тюмени конца XIX — начала XX в. предлагает систему маркеров элементов городской повседневности [Юнина, с. 53–54]:

1) общественное городское пространство, включающее природный ландшафт, архитектурные ансамбли, общественные здания, улицы и площади города;

2) приватная часть: частные жилые строения и усадьбы, интерьеры жилых зданий;

3) религиозный и мемориальный компоненты (храмы и мемориальные пространства);

4) профессионально-деловой сегмент, включающий представителей различных социальных слоев, профессий, а также отражающий специфику занятости городского населения;

5) досуговая составляющая, объединяющая городские праздники, собрания, молебны и ярмарки;

6) общественно-научные и культурные практики, отражающие участие горожан в экспедициях, театральных постановках и т. д.;

7) образовательная повседневная реальность, в том числе сопряженная с репрезентацией гендерно-возрастных групп (учащиеся и преподаватели учебных заведений города, занятые учебным процессом или участвовавшие в городских мероприятиях);

8) особенности экстремальной повседневности — зафиксированные природные катаклизмы и социальные потрясения.

Эти выводы, касающиеся городов Западной Сибири, могут быть экстраполированы и на фотоархив того же периода (рубеж XIX–XX вв.) города Кузнецка.

Важное место в комплексе собранных воспоминаний занимает фотография — снимки вклеены или вложены в рукописные тетради и иллюстрируют рассказы респондентов. Почтовые карточки или подписанные фотоснимки хранились В. П. Девятяровым отдельно или помещались в бумажные конверты.

На фотокадрах задокументированы и знаковые для горожан события — начало Первой мировой войны, Гражданская война, НЭП и т. д.

На снимках начала XX в. запечатлены многие здания старого Кузнецка, которые к 1970-м гг. в основном были уже утрачены. Значительная часть фотофонда — снимки из семейных архивов кузнецких семей. Фотоизображения открывают для

краеведов большие исследовательские горизонты по изучению и воссозданию исторической географии города Кузнецка начала XX в.

В. Беньямин отмечал, что подпись «...втягивает фотографию в процесс олитературивания всех областей жизни, без ее помощи любая фотографическая конструкция останется незавершенной. <...> Не станет ли подпись существенным моментом создания фотографии?» (цит. по: [Бойцова, с. 185]). В связи с этим авторские «тексты», создаваемые советским краеведом вокруг исторических фото, могут стать для экспозиционера не только предметом исследовательского интереса, но и важной темой при репрезентации сформированного фотоархива. Исторические фотографии в музейном нарративе имели неравные позиции при формировании текстов воспоминаний старожилов Кузнецка. Часть фотографий побуждали респондентов к более развернутому рассказу, а некоторые снимки становились лишь иллюстрацией к текстам.

С учетом специфики архива В. П. Девятярова — с одной стороны, большое количество исторических сведений, содержащихся в текстах воспоминаний, а с другой стороны, недостаток визуального материала и предметного ряда — перед кураторами будущих выставочных проектов встает вопрос о преодолении недостатка артефактов. Новые визуальные образы, экспонаты из других коллекций музея могут разнообразить выставочное пространство, не только выстраивая вербальный рассказ, но и иллюстрируя его сопутствующим материалом — предметами и изображениями. Решить данную проблему возможно за счет привлечения в музейную экспозицию дизайна, архитектуры, искусства, видео и фото, театральных элементов, с помощью которых посетитель может «почувствовать себя на месте кого-то из действующих лиц» [Хлевнюк, с. 115].

Вместе со смешанным методом экспонирования, когда фоном для текстов воспоминаний старожилов Кузнецка и сопутствующего предметного ряда служит демонстрация фотоматериала, представляется актуальным расширение границ способов репрезентации фотографий из комплекса В. П. Девятярова.

В пространстве музея фотография пытается репрезентировать результаты архивации ушедших эпох и демонстрирует некоторую демократизацию исторических знаний, когда каждый посетитель путем простого сопоставления или сравнения может сформировать для себя представление об исторических реалиях. Вместе с тем важным замечанием к тезису о фотографии как «средстве фиксации реальности» является отмечаемая исследователями утрата современностью деления на «документальное» и «художественное» [Мусвик, с. 217]. В этом случае возникает вопрос не столько о широких технологических возможностях для фальсификаций, сколько о создании новых «мульти- и трансмедийных практик работы с историческими изображениями» [Там же, с. 218], которые одновременно и расширяют перспективы репрезентации фотоматериалов из музейных коллекций, и некоторым образом девальвируют содержание фотодокументов, низводя их до фоновых иллюстраций, конструирующих эмоциональный настрой аудитории.

Таким образом, масштабный фотографический архив из комплекса В. П. Девятярова позволяет рассмотреть «взаимосвязи различных явлений истории

фотографии и истории повседневности в рамках определенной эпохи и культуры» [Рубинина, с. 12]. При репрезентации архива воспоминаний кузнечан фотографии не являются центральными смыслообразующими точками маршрута при выстраивании нарратива, а скорее способствуют раскрытию некоего механизма конструирования исторического повествования на двух уровнях: первый уровень включает события начала XX в. (фиксирующиеся в первую очередь старожилками города Кузнецка), второй — раскрывает работу советского историка в 1960–1980-е гг. (данные, задокументированные самим автором краеведческих изысканий В. П. Девятяровым). В первом случае речь может идти о репрезентации межличностных отношений (между родственниками, сослуживцами, соседями), во втором — об изучении исследовательской оптики, когда одни фотодокументы становились основой для исторических уточнений и обобщений, а иные оказывались вне исследовательского фокуса советского краеведа.

По сути, речь идет о реинтерпретации фотосвидетельств опять же на двух уровнях — в рамках краеведческого архива, сформированного в советское время, и в современном экспозиционно-выставочном пространстве Новокузнецкого краеведческого музея.

Некоторые примеры совместного использования фотографии и других видов изобразительного искусства рассмотрены в работе В. Мусвик [Мусвик, с. 217]. Часть этих практик можно применить и при репрезентации архива В. П. Девятярова в музейном пространстве. Содержательного и визуального расширения фотоматериалов можно достичь за счет придания фотоснимкам «объемности» посредством встраивания музейных предметов в изображения. Фонды Новокузнецкого краеведческого музея в советское время пополнялись и за счет передачи респондентами В. П. Девятярова в музей предметов быта начала XX в.: «Таисия Гавриловна Синягина (Аргунова) просит проверить в учетных книгах краеведческого музея: записано ли где, что К. А. Кобелев сдал в музей станок по сверлению ружейных стволов» (д. 33, л. 377–388); «Памятником от времен совместной жизни с С. М. Юковым остался большой никелированный будильник, купленный Анной Ксенофоновной в прокопьевском магазине за 15 рублей и подаренный ею нашему городскому краеведческому музею» (д. 33, л. 560–565). Привлечение подобных мемориальных предметов, помимо иллюстративных функций, демонстрирует связь материального и нематериального наследия.

Ресурсом для выхода фотографии в трехмерную плоскость могут стать макеты зданий Кузнецка XIX — начала XX в., выполненные с натуры в 1960-е гг., что не только дополнит аттрактивность фотографий, но и позволит ознакомиться с архитектурным обликом города, учитывая, что многие из этих зданий уже утрачены (Народный дом им. А. С. Пушкина, Кузнецкая крепость, дома купцов Красимовича, Окулова, Васильева, дома Обнорского, Куйбышева, Курако, Достоевского).

Коллаборации с художниками, дизайнерами и фотографами позволят трансформировать фотоисточник в новые объекты показа, превращая исторические снимки в современные художественные полотна и инсталляции: колоризация

фотографий, включение в черно-белые изображение тематических орнаментов и коллажирование сформируют образные пространства в рамках исторических экспозиций. Новые «поверхности» (деревянные, металлические, холщовые) будут способствовать визуальному расширению фотокадров и передаче цветовых и материальных характеристик эпохи. Колоризация некоторых фото или их частей акцентирует внимание на том, что интересовало советского исследователя. Фрагментарность новоявленных вкраплений оставляет зрителю пространство для самостоятельного завершения образной реконструкции фотографий. Добавленные световые и цветовые решения перекликаются с эмоциональным тоном поведения, который обнаруживается в тексте воспоминаний, помещенном рядом с фотографией. Цветовое насыщение также раскрывает накопление исторических знаний, а оставшиеся в черно-белом исполнении фрагменты демонстрируют публике лакуны наших представлений о дореволюционном городе и его жителях. Коллажирование нескольких фотографий позволяет поместить изображение в более общий визуальный и историко-культурный контекст. Точками пересечения могут быть общие здания или люди, что демонстрирует пространственные и семейные связи, которые можно расширять вплоть до единого фотополотна города Кузнецка. Перспективным расширением массива экспонируемых фотоматериалов могут стать перефотографированные современными хроникерами кадры, например, запечатленные сегодня локации с архитектурными памятниками XIX в. и их сопоставление с историческими кадрами, сделанными с аналогичного ракурса, а также демонстрация витальности межличностных отношений, например, соседство групповых фотографий кузнецких семей начала XX в. и снимков их потомков, проживающих в сегодняшнем Новокузнецке.

Многоголосие фотосвидетельств может быть продемонстрировано своеобразным противостоянием «публичного» и «частного». Репрезентацию официальной истории, которая нашла свое отражение в газетных публикациях, исторических очерках, официальных документах и в политическом плакате, могут сопровождать постановочные фотографии, например, служащих учреждений и предприятий, а также «парадные» виды города с почтовых карточек или из публикаций губернской прессы. Параллельно с этим выставочное пространство может показать (документально и визуально) другую сторону жизни города Кузнецка, рассказанную «безмолвствующим» большинством в беседах с советским краеведом. Эти «непарадные» тексты с высокой степенью валидности могут быть проиллюстрированы уже «повседневными» фотографиями из семейных архивов кузнецян.

Истории первых фотосалонов города Кузнецка посвящена статья П. П. Лизогуба, где историк анализирует первые фотографические опыты фотографов-любителей, а также рассказывает о первых фотоателее Кузнецка рубежа XIX–XX вв. [Лизогуб, с. 2]. Многие из рассматриваемых в работе фотоснимков оказались в фондах Новокузнецкого краеведческого музея благодаря собирательской работе В. П. Девятярова. Следует отметить, что фотофонд из комплекса Девятярова не только открывает перед исследователями перспективы изучения исторических фотокадров, но и позволяет разнообразить выставочное

пространство с учетом художественно-исторических реалий, в которых создавались первые фотоизображения Кузнецка.

Ценна содержательная многослойность фотографий. Помимо самих изображений, эти документы содержат штампы кузнецких, томских и столичных фотоателье, дарственные надписи, а также уже более поздние пометы, которые были оставлены В. П. Девятияровым (дата создания снимка, запечатленные люди, место съемок). Во многом именно фотоснимки позволяли краеведу делать ряд заключений о достоверности сведений, получаемых от респондентов в ходе записи воспоминаний. Благодаря большому массиву фотоматериала перспективной является репрезентация широкой аудитории стилистических и художественных особенностей фотоснимков, сделанных в городах Сибири. К началу XX в. сложился своеобразный канон, активно эксплуатировавшийся в кузнецких фотоателье, когда фотографы фиксировали на камеру особые «павильонные» эпизоды реальности. Достаточное количество фотоснимков тех лет позволяет сравнить работы кузнецких фотографов с работами их коллег из Томска, Барнаула, Бийска, Петербурга и других городов Российской империи.

Содержательным дополнением к фотографическим изображениям для посетителей музея является их «оборотная сторона». Во-первых, это штампы на оборотах фото, рассказывающие о местах и авторах создания фотографий (например, «Фотография В. Д. Безсоновой. Г. Кузнецк»). Дополнением к штампам фотоателье стоит считать и первые рекламные объявления города, относящиеся к апрелю 1917 г., когда в первой газете города «Кузнецкий край» публиковалась реклама фотографов Кузнецка. Здесь мир повседневности, репрезентируемый в выставочном пространстве, расширяется еще несколькими измерениями — включенностью горожан в потребление информации со страниц газет, а также в потребление рекламной продукции, итогом чего являются фотографии, сделанные в фото-салонах Кузнецка и доступные для посетителей выставки.

На основе рассматриваемого фотоархива можно проиллюстрировать масштабные исторические процессы, нашедшие отражение в кузнецких фотографиях. В связи с этим показательна своеобразная трансформация исторических фотокадров — изменения изображений посредством ретуши. Остановимся на нескольких примерах. Во-первых, это «вымаранные» лица людей на групповом снимке «Первый Кузнецкий уездный Совдеп. 1917 г.». Это результат последующих эпизодов биографий «пропавших» с фото — они стали колчаковскими милиционерами. Во-вторых, воздействию ретушеров подверглась фотокопия снимка, запечатлевшего служащих Кузнецкого ГПУ: с оригинала была стерта надпись со знамени за спиной служащих — «Через трупы врагов». Эта фотокопия подверглась трансформации перед размещением ее в выставочном пространстве музея в 1960–1970-е гг., чтобы скрыть «радикализм» органов советской власти во время завершения Гражданской войны. То есть фотография может быть рассмотрена и как яркий маркер эпохи: посетитель музея может узнать, какие исторические деятели и события могли быть репрезентированы в разное время и каким именно образом.

Репрезентация текстов воспоминаний и фотографий может быть расширена и стать дополнением к самостоятельному, более глубокому знакомству с архивом краеведа В. П. Девятиярова в фондах Новокузнецкого краеведческого музея. Это будет доступно посетителям сайта музея или пользователям специально разработанного приложения для смартфонов. Такой формат дает возможность «мультимедийного, персонифицированного, многомерного повествования» [Степанов, с. 62–64] и существенно расширяет аудиторию, не только становясь альтернативной музею площадкой репрезентации, но и привлекая наиболее заинтересованных пользователей в пространство музея.

В своей статье «Повседневная фотография как объект научного исследования» М. М. Гурьева отмечает, что в конце прошлого столетия произошел «...переход в изучении фотографии от искусствоведческой парадигмы к парадигме исследований культуры». Исследователь выделяет в качестве наиболее перспективных следующие направления изучения повседневной фотографии: «...культурологический анализ развития повседневной фотографии в рамках конкретной исторической эпохи; анализ повседневной фотографии как фактора конституирования культурно-онтологических значений современной культуры» [Гурьева, с. 160].

Большой тематический и хронологический спектр исследуемого фотоархива позволяет сравнить каноны в отечественном фотоискусстве. В этом случае перед кураторами выставки раскрывается весь потенциал архива В. П. Девятиярова, позволяющий при помощи обращения к междисциплинарным подходам проиллюстрировать широкий спектр тем: от репрезентации телесности в досоветский период до канонов визуального стиля соцреализма, зачастую отказывавшегося от антропоцентричности ради «событийного» изображения, которое становилось центром композиции (например, запечатленное строительство новых предприятий и эпизоды из производственной жизни). Сюда же можно отнести и другие стилистические трансформации, например, «сложное взаимодействие вербального и визуального, дополнявших друг друга» [Орлов, с. 25–26], которое нашло место в советской фотографии 1930-х гг., где самодостаточность визуального ряда наделяла вербальный контекст лишь вспомогательными функциями: «...однозначный канонический образ уже не нуждался в пояснении» [Там же, с. 26]. Эта тенденция нашла свое предельно яркое выражение в советском плакате, отводящем текстам вспомогательную роль и отдающим главенство визуальному ряду.

Продолжая упомянутую логику со-работы текста и фото, уместна будет и репрезентация взаимодействия вербального и визуального содержания в самом архиве краеведа В. П. Девятиярова. Выставочное пространство продемонстрирует исходный авторский замысел сосуществования эго-текстов и фотоснимков в его рукописных тетрадах (прообразах планируемой книги). Визуальная составляющая записанных воспоминаний расширена включением в канву повествования карты-схемы улиц Кузнецка как предтечи общей подробной карты города на 1918 г.

Таким образом, репрезентация фотографической части архива, собранного Девятияровым, может раскрыть специфику не столько «прошлого», сколько созданного советским краеведом «текста историка» («исторического нарратива»),

в котором «прошлое» предстает не как следствие этого текста, а как его причина [Гавришина, с. 120].

Рассмотренный в данной статье фотографический материал из архива В. П. Девятярова — это перспективная содержательная основа для экскурсионной и музейно-педагогической деятельности, а также разработки авторских экскурсий по выставкам и экспозициям музея.

Бойцова О. Ю. Любительские фото: визуальная культура повседневности. СПб., 2013.
Гавришина О. В. Империя света: фотография как визуальная практика эпохи «современности». М., 2011.

Гурьева М. М. Повседневная фотография как объект научного исследования // Вестн. ЛГУ им. А. С. Пушкина. Философия. 2009. № 3 (Т. 2). С. 153–161.

Лизогуб П. П. Вначале было... фото // Кузнецкий рабочий. 2013. 22 июня (№ 69). С. 2.

Мусвик В. Фотография // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М., 2021. С. 215–228.

НКМ. НФ-Д — Новокузнецкий краеведческий музей. Научно-документальный фонд. Оп. 1. Р-8. Д. 33, 35.

Орлов И. Б. Советская повседневность: исторический и социологический аспекты становления. М., 2010.

Рубинина Э. М. Семейный фотографический архив Левицких (вторая половина XIX — вторая половина XX в.) из собрания Государственного исторического музея как объект историко-краеведческого исследования : автореф. ... дис. канд. ист. наук. М., 2016.

Степанов Б., Максимова А., Хлевнюк Д. Краеведение // Все в прошлом: теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М., 2021. С. 55–67.

Хлевнюк Д. Почувствовать права человека: аффект в музеях памяти // Политика аффекта: музей как пространство публичной истории. М., 2019. С. 106–122.

Юнина Е. А. К вопросу использования фотографических материалов в реконструкции городской повседневности западносибирской провинции конца XIX — начала XX в. на примере региональных фотоколлекций // Genesis: ист. исслед. 2018. № 12. С. 32–57.

Статья поступила в редакцию 10.02.2025 г.